
ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

А. Н. МЕЩЕРЯКОВ*

ИСТОРИЯ ЯПОНСКОГО АРХИПЕЛАГА КАК СОЦИОЕСТЕСТВЕННЫЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Не подлежит сомнению, что природная среда, внутри которой протекают и развиваются информационные процессы, в значительной степени определяет особенности историко-социальных и культурных процессов. В Японии информационные, обменные (товарные и интеллектуальные) процессы всегда отличались высокой степенью интенсивности, обеспечивая высокий уровень культурной гомогенности, не достигнутый ни в одной из крупных стран современного мира. Не в последнюю очередь, как нам представляется, это связано с географическими, климатическими и иными природными условиями обитания населения архипелага, а также с теми исторически сложившимися параметрами хозяйствования, которые были вписаны в них. Уровень интенсивности внутриобщественных информационных процессов бывает довольно затруднительно представить в корректно-сопоставительном выражении. Тем не менее такие возможности, безусловно, существуют, что мы попытаемся продемонстрировать в данной работе. Автор отнюдь не склонен объяснять все события политической, социальной и социоестественной истории с точки зрения особенностей той

* А. Н. Мещеряков – президент Российской ассоциации японоведов, автор 8 научных монографий, включая: «История древней Японии» (совместно с М. В. Грачевым). СПб.: Гипертон, 2002. 553 с.; «Японский император и русский царь. Элементная база». М.: «Наталис», «Рипол классик», 2004. 253 с.; 8 книг переводов, в том числе – Нихон сёки. Анналы Японии (перевод, предисловие и комментарии Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова). СПб.: Гипертон, 1997: в 2 т.

среды, в которой приходится действовать тому или иному сообществу, каждый человек всегда обладает определенной свободой воли, и потому все попытки интерпретирования его поведения исключительно с помощью внешних факторов носят карикатурный характер. Тем не менее наши прежние подходы в значительной степени выработаны и не могут более удовлетворять нашу любознательность.

Современная Япония представляет собой страну приблизительно четырех тысяч островов. Но ее основная территория – это четыре крупных острова: Хонсю, Сикоку, Кюсю и Хоккайдо. На их территории не существует точки, откуда расстояние до моря превышало бы сто плюс несколько десятков километров. Рельеф являет собой сочетание равнин и гор, занимающих около 75 % территории. Причем на любом широтном срезе представлены как равнинные, так и горные участки. Таким образом, каждый из регионов Японии обеспечивает сосуществование трех зон, весьма отличных по своим природным условиям, на основе которых в исторический период получили полноформатное развитие три хозяйственно-культурных комплекса: морской, равнинный и горный – рыболовецкий, земледельческий, охотничье-собираетельско-земледельческий. Как показывает история мирового хозяйствования, каждый из них может быть вполне самостоятельным. Однако физическая приближенность их друг к другу в условиях Японии предопределила возможность и даже необходимость тесных контактов между ними, что выразилось в ранней специализации типов хозяйствования. Идеологическое осознание нерасторжимости хозяйственного комплекса на уровне государственной идеологии наблюдается очень рано. Система японской мифологии, оформленная в мифологическо-летописных сводах «Кодзики» (712 г.) и «Нихон сёки» (720 г.), объединяет в себе картину мира племен как чисто земледельческих, так и принадлежащих культурному ареалу охотничье-собираетельских и морских народов. Такое осмысление создавало возможности для перспектив формирования гомогенной, «композиционной» культуры. Реальный историко-культурный процесс, однако, был весьма

сложным. Его относительную завершенность можно условно датировать лишь концом XX века.

Японию по традиции считают островной страной. Сами японцы времени фиксации официального мифа также называли свою страну «восемью большими островами» – *Ооясима*. Это утверждение верно только с существенными оговорками: длительные периоды автаркического и полуавтаркического существования доказывают, что территория страны достаточно велика, а ресурсы – достаточно богаты для обеспечения замкнутого цикла жизнедеятельности, который способен удовлетворить не только первичные физиологические потребности человека, но и в состоянии генерировать высокоразвитую культуру, которая невозможна без достаточного уровня прибавочного продукта. *В этом смысле Японию можно было бы квалифицировать как маленький материк.* Не случайно массовое сознание японцев до сих пор не склонно считать свою страну морской. Ограниченность же территории, пригодной для ведения интенсивного производящего хозяйства, не позволила развиваться на архипелаге скотоводству, служащему в доиндустриальном обществе основным производителем удобрений, без чего мало возможно высокоэффективное земледелие, способное обеспечивать прирост населения. Общей тенденцией было расширение посевов риса и постепенное вытеснение менее эффективных культур, а поливной рис практически не требует удобрений. Еще одним фактором, препятствующим развитию скотоводства (в данном случае уже как источнику белковой пищи), было наличие высокоэффективного рыболовства. Прибрежные воды Японии обеспечивают высокие уловы, а сжатость коммуникаций – доступность морепродуктов для жителей равнин и гор. Считается, что сейчас в прибрежных водах Японского архипелага водится 3492 вида моллюсков, морских животных и рыб, в то время как в Средиземном море – 1322, а у западного побережья Северной Америки – 1774. Особенно важным фактором с точки зрения добычи пищевых ресурсов было наличие богатых запасов кеты и горбуши, поднимающейся на нерест в реки. Как показывают данные сравнительно-этнографических исследований, хозяйство, основанное на промысле данных пород рыб, было способно обеспечивать высокую степень оседлости,

высокую плотность населения и сложные формы организации социальной жизни. Еще одной чертой японского морского промысла являлось широкое применение водорослей, многие виды которых применялись в пищу и в качестве удобрений. *Морской промысел, добыча морепродуктов, включающих в себя рыбу, моллюсков, водоросли, соль, являются не чем-то дополняющим земледелие, а необходимым фактором его полноценного развития в том виде, в каком оно сформировалось в Японии. Морской промысел на огромной 280-тысячекилометровой береговой линии был для японцев источником белка, микроэлементов, а впоследствии – удобрений для суходольного земледелия. Активное использование «морской нивы» в хозяйственных нуждах понуждает говорить о фактическом весьма значительном увеличении территории интенсивного хозяйственного освоения Японии.*

Получается, что природные условия Японского архипелага представляют собой своеобразное сочетание факторов, которые позволяют поставить вопрос о предпосылках своеобразия исторического развития этой страны вообще. Одной из основных характеристик его следует признать интенсивность протекания внутриобщественных информационных процессов, которые обеспечивались своеобразием природных условий, их многообразием и способами адаптации к ним человека. Стартовав по дальневосточным и восточноазиатским меркам достаточно поздно, японское общество в конечном итоге сумело превратиться в одного из экономическо-технологических лидеров современного мира, причем это акселеративное развитие было достигнуто без прибегания к экстенсивным экстерриториальным допингам. Постоянное обращение именно к интенсивным факторам развития представляет собой едва ли не основную черту истории японского общества и государства. Чрезвычайно ограниченное развитие скотоводства, вкуче со своеобразием процесса возделывания риса, предопределило огромную роль ручного труда в сельском хозяйстве, что, в свою очередь, способствовало формированию пресловутого «трудолюбия» японцев и высокоразвитой трудовой этики.

Японский архипелаг представляет собой своеобразный аппендикс Азиатского континента, дальневосточную Америку, своего рода «край света», служивший в доисторическое время конечным пунктом дрейфа различных культур и народов. Теснимые различного рода обстоятельствами, наиболее активные и жизнеспособные отправлялись в странствия, чтобы обрести чаемую землю именно там. По каким-то не совсем понятным до сих пор причинам (возможно, прежде всего, благодатное разнообразие природных условий, дававших приют почти каждому хозяйственному укладу) эта земля, соединенная в свое время с материком несколькими сухопутными мостами, не позволяла пришлым дать обратный ход. В результате с самого начала формирования неолитического общества рождалось некое единство, готовое на уровне поведенческих реакций к постоянному усвоению информации из внешнего источника. Не подлежит сомнению, что равноправные обменные процессы любого рода служат фактором, стимулирующим развитие. (Термин «развитие» мы не оцениваем с этической точки зрения, подразумевая под ним ускорение эволюционного процесса.) Обмен информацией на генетическом уровне, как известно, повышает биологическую устойчивость вида и непременно сопровождается процессами культурного взаимодействия.

Динамическое взаимодействие человека и природной среды на настоящий момент прослеживается, по крайней мере, начиная с периода, отстоящего от нас на 15,5 тыс. лет. Именно в это время наблюдается значительное потепление, которое дополняется повышением влажности (13 тыс. лет назад) и формированием теплого Цусимского течения, впадающего в Японское море. Климат архипелага становится морским и в своих важнейших параметрах не отличается от нынешнего. Указанные изменения привели к трансформации флоры, увеличению снежного покрова, скрывающего корм на пастбищах, заболачиванию почв, разрастанию широколиственных лесов, поглощающих пастбища, увеличению населения и, следовательно, усилению его давления на окружающую среду, что в результате привело к исчезновению крупных млекопитающих. Для населения архипелага это означало сокращение привычной для употребления белковой массы и необходимость хозяйственной адаптации, изменения приоритетов в

охоте (японский олень, кабан, медведь, заяц, куница, енотовидная собака), намного большую роль собирательства (каштан, желуди, различные виды орехов), более активное освоение рыбных запасов. Первые археологические свидетельства о начале морского промысла датируются временем – 8 тыс. лет до н. э.: в наиболее ранних раковинных кучах обнаружены остатки различных морских моллюсков, кости плосколоба индийского, мурены, большеголового морского карася, полосатого и восточного тунца, др. рыб, соседствующих с костями млекопитающих и птиц, служивших объектом охоты. При этом считается, что рыболовецкие сравнительно небольшие общины осваивали морскую территорию в радиусе 5–10 км от месторасположения поселений. Именно в это время появляются поселения на берегу моря. Причем рыболовецкие прибрежные поселения, не будучи столь многочисленны, как поселения материковые, демонстрируют абсолютное превосходство в части концентрации населения в них. Антропологический анализ костных остатков свидетельствует, что обитатели побережья – потребители более богатой белками пищи – обладали более мощным телосложением.

В период дзэмон совершенствуются и орудия рыболовства: появляется рыбная ловля с использованием сетей. В целом в прибрежной части Японии создаются условия для более благоприятного хозяйствования. Сложившийся хозяйственный комплекс, сумевший обеспечить, по крайней мере, частичную оседлость, не претерпевает принципиальных изменений вплоть до распространения поливного (заливного) рисосеяния. Получается, что культура дзэмон явилась ответом на изменения, произошедшие в климате. При этом большая плотность населения наблюдается в восточной Японии, более богатой рыбными и растительными пищевыми ресурсами. От периода дзэмон остались весьма крупные сооружения (жилые помещения диаметром до 30 м, циклопические кладки, масштабные кладбища), постройка которых требует кооперации значительного количества людей. Это говорит о высокой степени самоорганизации общества, не достижимой без достаточной плотности населения (численность населения архипелага в конце дзэмон оценивается в 1 миллион человек) и интенсивных информационных процессов в его среде. О том, что

такие процессы действительно имели место, свидетельствуют как «миграции» орнаментов на керамике, в том числе из восточной Японии на Кюсю, так и наличие центров по производству каменных орудий, которые использовались на весьма значительном удалении от места производства. Обнаруженные крупные поселения свидетельствуют, во-первых, об оседлости (хотя бы и частичной) доземледельческого общества и, во-вторых, о высокой степени преемственности в выборе места поселения, что способствует обеспечению передачи различного рода информации.

Указанное выше единство трех хозяйственных комплексов начинает складываться в так называемый период яей (III в. до н. э. – III в. н. э.), когда на территории архипелага получает стремительное развитие производящее хозяйство. В период яей мощный поток переселенцев по преимуществу с Корейского полуострова приносит с собой культуру поливного риса, для выращивания которого природные условия архипелага – обилие водных ресурсов, влажный и сравнительно теплый климат – оказались весьма подходящими. С другой стороны, неравномерность природных условий, сложный рельеф местности и ограниченность равнинных участков, делали сельскохозяйственное освоение всей территории архипелага делом весьма трудоемким. Вместе с культурой поливного земледелия на архипелаге получают распространение также бронза и железо, появление которых в Японии практически не разделено во времени. Поток переселенцев был достаточно мощным и не встретил поначалу на своем пути существенных природно-естественных и культурных преград, обусловив стремительность и географию распространения поливного земледелия. Потребовалось всего лишь около полувека почти на весь архипелаг.

Культура яей, однако, в отличие от дзёмона, распространяется уже не по всей территории Японии: Хоккайдо и Окинава, север Хонсю и юг Кюсю не входят в ее ареал. Там не прививается поливное рисосеяние и связанный с ним культурный комплекс, а продолжают традиции дзёмона, что и предопределило их историческое отставание. Объяснение лежит на поверхности: климат севера Японии не благоприятен для рисоводства, а рыбные ресурсы настолько богаты, что не стимулируют поиск более интенсивных способов хозяйствования. Что касается Окинавы, то

вопрос этот остается в японской исторической науке открытым. Мы же рискнем высказать предположение, что быстрый переход к производящему хозяйству, наблюдавшийся на основной территории Японии, был возможен только в условиях притока значительного количества переселенцев. Их же вынудили к передвижению неблагоприятные климатические и социальные факторы. Обретя землю на Кюсю, Хонсю и Сикоку, они тут же лишились всякого стимула к дальнейшему движению. Без иноэтнического и инокультурного вливания Япония, по всей вероятности, еще в течение длительного времени была бы страной рыболовов, охотников и собирателей. Распространение культуры яей на Хонсю также не было равномерным. И если на юго-западе Японии рисосеяние укореняется очень быстро, то на востоке этот процесс протекает намного медленнее. По всей вероятности, здесь сыграли роль по меньшей мере несколько факторов: 1. Рисосеяние на северо-востоке в силу климатических условий менее эффективно, чем на юго-западе. 2. Поскольку условия для собирательства и морского промысла были более благоприятными на северо-востоке, то и заселенность этой части архипелага была традиционно выше, поэтому весь культурный комплекс яей и его носители неизбежно должны были столкнуться с более мощной культурной инерцией, чем это наблюдалось на юго-западе. 3. Цикл рыболовства в более богатом рыбой северо-востоке Японии имеет своим пиком летний сезон, в то время как на юге сезонные миграции рыбы не так заметны. Это предопределило возможность и необходимость более специализированного морского промысла на севере архипелага и сравнительно плавный переход к производящему хозяйству на юго-западе, где хозяйственные последствия сезонного характера миграций рыбы смягчались широко распространенным собирательством моллюсков и водорослей. 4. Отказ (хотя бы и частичный) от рыболовства на севере принципиально сложнее, чем на юге, из-за большей потребности в белковой пище в условиях более сурового климата.

С укоренением рисосеяния центр хозяйственной жизни архипелага сместился к югу, в центральную Японию, где стремительно увеличивается плотность населения, численность которого к концу яей или же к началу курганного периода («кофун», IV–VI вв.) уже превышает население северо-восточной

Японии. Население же архипелага в целом к концу яей составило около 3 миллионов человек, т. е. утроилось. Разумеется, это могло произойти только на основе производства значительного прибавочного продукта. Зримое отражение этот процесс находит в появлении специально построенных деревянных хранилищ, которые приходят на смену ямным «кладовым» дзедона. Анализ раковинных куч эпохи яей свидетельствует о наличии продуктообмена между населением прибрежной и материковой частей Японии: раковинные кучи материковых регионов содержат достаточное количество остатков морепродуктов.

Носителям рисоводческой культуры, таким образом, очень скоро, хотя и на ограниченный период, сделался доступным практически весь Японский архипелаг, за исключением Хоккайдо и Окинавы. Основывая на его территории свои поселения, они вовлекали в свое информационно-хозяйственное поле все более обширное население. Размер этих поселений был значительно большим, чем в период дзедон: в среднем в два раза (соответственно 25 и 50 человек). Процесс этот не был одномоментным. Современные исследования показывают, что жители горных районов длительное время практиковали суходольное подсежное земледелие вкупе с охотой и собирательством; население же прибрежных районов занималось специализированным морским промыслом: рыболовством, сбором водорослей, ракушек, выпариванием соли. Каждый из этих хозяйственных укладов носил специализированный и товарный характер, не был самодостаточным, что предопределило развитие натурального, а впоследствии и денежного товарообмена. Кроме обмена продуктами питания, рыболовецкий комплекс испытывал серьезную зависимость от суши в смысле поставок дерева. Это и лес для строительства судов, и дрова для приготовления пищи и выпаривания соли. Исторические источники уже VIII–IX вв. пестрят указаниями на существование многочисленных рынков, где осуществлялся процесс обмена продуктами и информацией. Первая постоянная столица Японии (Нара, 710–784) обладала населением

в 200 тыс. человек. Разумеется, это предполагало достаточно высокий уровень прибавочного продукта, что невозможно без высокой степени разделения труда. «Естественный» процесс

разделения труда подкреплялся идеологически: рыбодобывающим деревням вменялось в обязанность постоянно поставлять морепродукты ко Двору и в многочисленные синтоистские храмы. Для этих целей были созданы специальные профессиональные корпорации – *бэ*. Отношения государства с рыболовами ограничивались по преимуществу лишь предписаниями поставок, не существовало детальных регламентаций по способам ведения хозяйства, как это было с крестьянами, занятыми рисосеянием. Для рыбаков на всем протяжении истории Японии был свойственен не только своеобразный хозяйственный уклад, но и специфическая духовная культура со своей картиной мира, не вписывающейся в рамки представлений земледельческого общества.

Как было сказано, уже в ранней Японии наблюдается явная тенденция к концентрации населения, что вело к интенсификации различного рода обменных процессов. Кульминацией этого процесса следует признать сооружение столицы Нара – логическое звено в цепи усилий государства по выполнению серии крупномасштабных проектов ради создания идеологического имиджа

надчеловеческого образования. Этот сравнительно короткий период синдрома гигантомании в истории Японии включает в себя курганный период, «кофун», IV–VI вв. и период Асука-Нара VII–VIII вв. В курганный период формируется государственное образование, которое получило название Ямато с ядром в центральной Японии в районе современных городов Нара–Киото–Осака. Климатически это было время увеличения атмосферных осадков и некоторого похолодания, что сузило ареал распространения заливного рисоводства и вынудило человека адаптироваться к ухудшившимся условиям земледелия путем ведения более интенсивного и эффективного хозяйствования. Интенсификация проходила по двум основным направлениям: 1. Широкое применение металлических орудий труда, сменивших деревянные. 2. Создание ирригационных сооружений: обводнение и осушение, требовавших кооперации уже не на деревенском, а региональном уровне, более сложной общественной организации и структуры по управлению этим процессом. В итоге значительно увеличилась площадь обрабатываемой земли, возросло кормящееся с нее население, усилилась общая централизация жизни.

Урожайность риса в начале его распространения в Японии оценивается в 60 кг с га. Постоянное совершенствование орудий труда и агротехнологии привели к росту урожайности, которая к XVII в. составила около 15 центнеров. Рис стал основным средством платежей чиновничеству, что свидетельствует о достаточно высокой производительности труда и отлаженной системе сбора налогов. Определение размера налога именно в рисе, в то время как в хозяйственный процесс были достаточно широко вовлечены и другие культуры: чумиза, просо, колосовые культуры, бобовые, батат – свидетельствует о признании государством первостепенной важности этого продукта в общественном производстве. Об этом свидетельствует вся хозяйственная политика раннеяпонского государства. Ее целью было прикрепление населения к земле с помощью введения в VII в. надельной системы. При этом крестьянам предписывался отказ от потребления рыбы и сакэ во время сезона полевых работ. «Потребление» в данном случае означает одновременно и ловлю рыбы в условиях реальной хозяйственной многоукладности. Рыболовство рассматривалось государством как помеха главному в его глазах хозяйственному сектору. Рыба при этом попадала в один ряд со спиртными напитками как помеха земледельческой социоестественной гармонии.

Границы Ямато совпадают с границами освоения культурой поливного риса территории архипелага. Японское государство было государством рисосеяния и – вольно или невольно – заинтересовано, прежде всего, в контроле над регионами рисоводства. К районам, где производство риса было невозможно по климатическим условиям, оно не испытывало острого интереса, и попытки поставить их под свой контроль не отличались последовательностью. В средневековье северная граница между «Японией» и «не-Японией» фактически проходила по р. Коромогава. Верно и другое утверждение: в районах своего господства государство всячески стимулировало рисосеяние там, где оно было возможно. Свою опору оно видело, прежде всего, в земледелии, в рисосеянии. Земледельцы, обреченные на неподвижность, представляли собой идеальную проводящую среду для усвоения тех сигналов хозяйственного, социального и этического порядка, которые генерировало государство. Что до

рыбаков и жителей гор, то они всегда представляли собой достаточно изолированное образование со своим укладом и мировидением.

Наряду с рыбаками относительным суверенитетом пользовалось население горных районов. Вмешательство в его жизнедеятельность ограничивалось регуляциями в тех случаях, когда эта деятельность наносила ущерб надличностным структурам: храмам или рисосеянию. В первую очередь, это относится к сохранению лесных запасов, сохраняющих влагу в почве и питающих, таким образом, реки: количество атмосферных осадков на основной территории архипелага не достаточно для ведения поливного рисосеяния и требует ирригации. Всесторонне регламентируя деятельность земледельцев равнин, государство маркировало жителей гор, как и жителей приморских, как особую категорию населения, признавая за ними большую свободу передвижения и блокируя попытки установления частной собственности на горные леса. Таким образом, присваивающие секторы хозяйствования ясно выделялись как особые формы жизнедеятельности, не подпадающие под законы земледельческого рисоводческого уклада.

Неделимость лесных и морских запасов выступала гарантом делимости и присваиваемости равнинной земли, пригодной для поливного рисосеяния. Подобная политика в отношении лесных массивов начинает проводиться лишь с VII в. До этого времени многие лесные участки находились в личном или же корпоративном владении/пользовании. Характеризуя земельную политику японского государства в целом, исследователи обращают внимание на то, что его основной пафос в VIII–X вв. был направлен не столько на регламентацию землепользования целинных земель, сколько на подробное определение условий ведения хозяйствования на землях, уже вошедших в хозяйственный оборот, что хорошо подтверждает тезис об интровертности японской культуры в целом.

Одновременно остается фактом активная деятельность государства, а также выступающих в качестве его агентов крупных буддийских монастырей в области сооружения ирригационных сооружений: каналов, дамб, дренажных систем. Эта

централизованная деятельность началась, по крайней мере, со второй половины VII в., дополняя усилия, предпринимаемые на местном уровне. Свидетельством первостепенной важности, придаваемой государством земледелию, являются описания провинций Японии «Фудоки» в VIII в., выполненные по государственному заказу, где уже применяется девятистепенная оценка плодородия земли. В результате агротехнических усовершенствований, приспособляемых к особенностям климата и почв, в XII в. сложилась ситуация, при которой стало возможным получать два урожая риса в год. Плодородие же любой пахотной земли исчислялось с XVI в. в гипотетическом урожае риса с единицы территории. Таким образом, именно рис становился наряду с деньгами универсальным товарным эквивалентом. Что же касается рыболовства, то государство вмешивалось в его деятельность в ограниченной степени, социальный статус рыболова всегда был низок. Согласно официальным генеалогическим спискам «Синсэн седзироку» (815 г.) практически все роды, чья историческая судьба была связана с морем, получили наименее престижный статус потомков «земных божеств». Японское государство было создано земледельцами, и потому представители других хозяйственных укладов не имели в нем доступа в высшие социальные сферы.

Чем же было море для общепонской культуры и цивилизации? Море, в отличие от суши, в доиндустриальном обществе – это почти всегда «ничейная земля», оно не вызывает территориальных конфликтов в такой степени, в какой они случаются на суше. С одной стороны, оно отъединяет, с другой – служит проводящей информационной средой. Парадокс в том, что море было проводником информации, если посмотреть на дело с макроисторической точки зрения, только в одном направлении: с материка – в Японию. Это тем более удивительно, что значительная часть населения исторической Японии была образована выходцами с материка, которые сумели преодолеть водный барьер, причем массовость процесса переселения указывает, что преграда эта не выглядела чрезмерной. Тем не менее остается фактом неумение, а скорее, нежелание японцев строить быстроходные и надежные корабли, приспособленные для

плавания в открытом море. Вплоть до начала массивных контактов с европейцами в XIX в. японцы не выучились серьезному мореплаванию, а их «суда» представляли собой, как правило, долбленки, сделанные из одного бревна, размером которого и лимитировался размер судна, предназначенного, по преимуществу, к плаванию лишь в прибрежных водах. Соображение, что в Японии отсутствует такое первоклассное кораблестроительное сырье, как скандинавский дуб или же тик, видимо, лишено серьезных оснований. Дело, видимо, совсем в ином: в отсутствии культурно и исторически обусловленной мотивации к постройке океанских кораблей. Данные мифологическо-летописного свода «Нихон сёки» с несомненностью свидетельствуют, что до середины VII в. для государства Ямато (самоназвание того государственного образования, которое потом стало именоваться Японией) путешествие по морю не представляло особой проблемы. Тесные связи военно-политического свойства с государствами Корейского полуострова, где Ямато имело свои интересы, обуславливали посылку туда многочисленных эмиссаров и крупных контингентов войск. Так, экспедиционный корпус 663 г. составлял 27 тысяч человек. Из-за серии поражений он был вынужден вернуться на архипелаг, после чего Ямато отказывается от проведения активной внешней политики и начинает энергичное обустройство внутренней жизни. От моря ждали неприятностей, усиливается охрана южной границы, строятся крепости. Японское государство впервые начинает как бы отгораживаться от моря, маркируя его как свою государственную границу. Пожалуй, именно в этот момент был сделан окончательный выбор в пользу интенсивного пути хозяйствования, который сопровождался постепенным нарастанием общей интровертности культуры. И хотя расширение территории Ямато в северо-восточном направлении продолжалось вплоть до X в., водное расстояние, отделяющее Хонсю от Хоккайдо, фактически не было преодолено. Более того, даже на севере Хонсю власть центра была непрочной.

Нам представляется, что сложившийся в Японии хозяйственно-культурный комплекс способствовал отсутствию экспансии во внешний мир. Цикл воспроизводства носил замкнутый и само-

достаточный характер; территория архипелага располагала всем необходимым для его поддержания. Главным здесь, по-видимому, следует признать отсутствие скотоводства и почти неизбежно сопутствующего ему комплекса территориальной агрессивности, вызываемой потребностью в пастбищах, а также богатые ресурсы моря, которые для того времени можно принять за неисчерпаемые, т. е. мало подверженные борьбе за территориальное превосходство; заливное рисосеяние, автоматически предполагающее интенсивные методы хозяйствования и тщательное освоение, прежде всего, ближнего пространства. Территориальная экспансия Японии началась только после «обновления Мэйдзи» (1867 г.), когда она перешла на рельсы европейского индустриального развития, которому с неизбежностью сопутствует необходимость в порочно увеличивающемся количестве минеральных ресурсов.

Объективно существовавшие предпосылки изоляционизма дополнились чисто историческими факторами. Нараставшая в VIII в. мирная экспансия иноземной культуры подтачивала саму идеологическую основу существования японского общества – культ предков, освящаемый синтоизмом. Может быть, наиболее зримое выражение этот процесс нашел в неудавшейся попытке, фактически единственной на всем протяжении японской истории, смены правящей династии, предпринятой буддийским монахом. К тому же выходцы из Кореи и Китая предприняли масштабные усилия ревизовать синтоистский миф за счет создания генеалогических списков, согласно которым иммигранты возводили свое происхождение к божествам синтоизма. Увидев в этом процессе размывания устоявшихся социальных ценностей угрозу собственному положению, японская родоплеменная аристократия выказала явственное стремление к самогерметизации, прослеживаемое и ранее, стараясь не допустить сторонние элементы в свою кастовую структуру. Естественно, что и ее социальная политика оказалась подчинена этим целям: она была рассчитана на предотвращение социальной мобильности во всех общественных сферах.

Однако способ изоляционизма, избранный японской аристократией, оказался весьма своеобразным. Провозглашенное ею следование дорогой предков распространялось в основном на

социальную сферу, что теоретически могло бы при должном контроле привести к полному блокированию потенциалов ко всякому развитию. Однако этого не произошло, ибо образование, наука и техника фактически не вошли в понятие формирующейся концепции национальной культуры и, таким образом, для континентальных достижений в этих областях никогда не существовало непреодолимых преград.

Отказавшись от решения политико-военных задач на Корейском полуострове, японское государство, однако, не утратило интереса к культурному взаимодействию с материком. Однако приоритеты были изменены: теперь наибольший интерес вызывал Китай – безусловный центр древней дальневосточной цивилизации. Успев отправить четыре миссии к Суйскому двору, Ямато продолжало посылать посольства в Китай Танский: с 630 до 838 г. со средней периодичностью один раз в 14 лет. Первые посольства к Танскому двору состояли из одного или двух кораблей, на каждом – от 120 до 160 человек. В VIII в. отправлялись уже обычно четыре корабля. Наиболее многочисленное посольство было отправлено в 838 году в составе более 600 человек. Обычно в состав посольств входили собственно дипломаты, специалисты: врачи, фармацевты, астрологи, ремесленники, ученые и монахи, экипаж кораблей. Посольства являлись поставщиками разнообразной письменной информации, на что выделялись специальные ассигнования. Монахи Сайте и Кукай, направившиеся в Китай с посольством 804 г., привезли в Японию 446 текстов только буддийского содержания; число светских текстов не поддается точному учету. Не слишком большое количество посещавших Китай (в среднем за год их количество можно оценить в 30–40 человек) позволяет предположить, что основным средством приобретения необходимой информации и навыков были книги, которые изучались, переписывались и распространялись. Наиболее многочисленные личные контакты с носителями континентальной культуры осуществлялись не посольствами, а достаточно мощным потоком переселенцев с Корейского полуострова, вызванным крушением Пэкче (663 г.) и Когуре (668 г.), когда Силла удалось объединить Корею. Как свидетельствуют генеалогические списки

«Синсэн седзироку» (815 г.), в высшей элите японского общества около трети были недавними выходцами с Корейского полуострова. Находясь на стадияльно более высокой ступени развития, они, естественно, представляли собой незаменимые кадры для государственно-культурного строительства. Определенную роль в приобщении японцев к дальневосточной цивилизации играли и посольства государства Силла.

Говоря о связях Японии с внешним миром, следует отметить, что обмен с материком осуществлялся, прежде всего, в информационной, а не товарной сфере. Японцев больше интересовали идеи, а не готовые к употреблению продукты. Проявляя неоспоримый интерес к материковому опыту, моделируя в очень значительной степени государственное строительство по китайскому образцу, японцы делали это, прежде всего, с помощью письменной информации и руками уже готовых кадров из Кореи. При этом исторически почти полное отсутствие у Китая интереса к Японии давало возможность избирательного отношения к получаемой информации и интерпретирования ее с точки зрения сложившихся условий и менталитета. В этом историческом опыте заложены стереотипы культурно-исторического поведения японцев на протяжении почти всего последующего исторического периода: мудрость приращивается прежде всего письменным словом; не столько самим искать контактов с внешним миром, сколько ожидать, когда этот внешний мир откроет тебя: «комплекс невесты». В то время как начиная с IX в. китайские торговцы значительно активизировали свою деятельность, включив в нее и Японию, в самой Японии стал действовать запрет на посылку на материк частных торговых судов. Такая же ситуация сложилась и с прибытием в XV в. в Японию португальских торговцев: именно они, а не японские купцы взяли на себя ответственность за морские перевозки. Крайне немногочисленные, приближающиеся к нулю контакты Японии с внешним миром в период Токугава также соответствуют этой модели: японцы были готовы изредка принимать иностранные суда, но не посылать свои.

Пассивность по отношению к внешнему пространству компенсировалась значительной активностью в создании

внутренней информационной инфраструктуры, немислимой без строительства дорог и подготовки специалистов протоинформатики – грамотных чиновников. Эта инфраструктура обеспечила единое товарно-ин-формационное поле единого государства: облегчила обменные процессы между центром и провинцией, между регионами, различными хозяйственными укладами. Еще в VII в. было построено несколько дорог, соединявших центральную Японию, где локализовались резиденции японских императоров, с Нанива (совр. Осака), где находился морской порт. О выдающемся значении, придававшемся раннеяпонским государством дорогам, свидетельствует знаменитый «манифест Тайка» (645 г.), знаменующий собой начало перехода к «современному» государству. В этом указе наряду с радикальными реформами прежней системы социально-политического устройства (отмена частной собственности на землю, ликвидация лично зависимых категорий населения, введение надельной системы землепользования) большое значение

придается созданию сети почтовых дворов, призванных обеспечить бесперебойное сообщение между центром и провинцией. В VIII в. усилиями государства строятся семь государственных дорог – «кандо», которые охватывали по преимуществу центральную Японию и были призваны обеспечить сбор налогов, быстрое и эффективное сухопутное сообщение. На них располагаются почтовые дворы «экика» или «умая», число которых в IX в. составляло 402. Почтовые дворы существовали также на «средних» и «малых» дорогах. Число лошадей, которое предписывалось содержать на них, насчитывало соответственно 20, 10 и 5. Водные коммуникации государством почти полностью были проигнорированы: число водных почтовых дворов было крайне невелико. Данная стратегия была, несомненно, стратегией чисто земледельческого государства. Одним из символических, да и практических выражений такой стратегии явилось прекращение посольств в Китай в IX в. и прямой запрет на контакты с ним без специального разрешения: достигнув на какой-то период политико-социальной стабильности, государство абсолютно потеряло интерес к подвижной стихии воды, соединявшей его с внешним

миром, стало испытывать страх перед открытыми пространствами, все более замыкаясь «на внутреннем» во всех его проявлениях. На самом-то деле такой подход реально игнорировал природные условия архипелага, что и послужило впоследствии одной из причин глубокого кризиса властных структур аристократии: полная замкнутость системы и отсутствие информации из внешнего мира ведет, как известно, к ее гибели, завершившейся выходом на историческую арену сословия самураев. Товарные потоки стали все более направляться водным путем. Негосударственный каботажный флот получил большое развитие к XI веку. Однако основные культурные стереотипы были уже сформированы: самурайство как социальный слой тоже не имело особого желания выходить за пределы Японии, и ее милитаристская направленность реализовалась в серии междоусобных войн и закрытии страны.

Что касается создания общегосударственного информационного поля, то здесь еще начиная с VII в. был сделан сознательный выбор в пользу письменных средств коммуникации. О размахе употребления письменности для государственных нужд свидетельствуют «деревянные таблички» *моккан*, массовые находки которых относятся к самому последнему времени. На нынешний день их извлечено уже около 160 тысяч, количество мест находок – около 250. На этих табличках содержится в основном информация, представляющая интерес для государственного управления: переписка между различными ведомствами, сведения о назначениях, поступлении налогов, складировании и хранении товаров и т. п. Кроме того, обнаружены таблички с цитатами из произведений китайской классической литературы, японские стихи, записанные иероглифами в их фонетической функции. Двор требовал от провинций детальнейших отчетов о составе местного населения, сборе налогов и т. д. Документация отправлялась ко Двору несколько раз в год, ее одноразовый объем, как свидетельствуют сохранившиеся данные по провинции Идзумо, мог достигать до 45 свитков. Из документов, присылаемых из Центра, наиболее массовыми являются календари, призванные обеспечить создание единого общегосударственного времени, «вмещающие» в себя всю остальную информацию, необходимую

для функционирования государства. Такой интенсивный обмен информацией не мог, разумеется, осуществляться без организации планомерного образовательного процесса. Школы чиновников создаются в Японии на удивление рано: столичная – в 670 г. с 450 учениками, 60 провинциальных – в 701 г. с числом учеников от 24 до 60 каждая. Кроме того, существовали школы медицины и астрологии с общим числом учеников около 110. Количество получающих планомерное образование в каждый отдельно взятый момент было для своего времени достаточно велико: более 3 тысяч человек. К тому же какое-то количество буддийских монахов получало образование при монастырях. С X в. на смену пришедшему в упадок государственному образованию приходит образование домашнее, с размахом, достаточным, чтобы обеспечить реальное функционирование письменности как средства управления и коммуникации. Усвоение единого корпуса текстов создавало единую культурную память, без которой невозможно формирование общенациональной культуры. Кроме того, китайский язык до определенной степени играл роль койнэ, призванного преодолеть и диалектную раздробленность.

В создании единого информационного поля роль буддизма была чрезвычайно велика. Общая направленность этого вероучения на прозелитскую деятельность диктовала потребность в обширном корпусе проповедников, путешествующих по стране и служивших проводниками самой различной информации. Заинтересованность буддизма в приобретении новых адептов находила свое выражение, в частности, в активном участии его приверженцев в строительстве транспортной инфраструктуры. Жития святых этого времени, перечисляя достоинства святого, не забывают отметить его вклад в строительство мостов и дорог. Широкое строительство буддийских храмов, активно поддерживаемое государством, обеспечивало высокую концентрацию населения в местах строительства. Сами храмы также являлись постоянным местом общения, обмена и аккумуляции информации. Признавая одной из основных добродетелей переписывание сутр, буддизм способствовал широкому распространению грамотности. Япония унаследовала от Китая конфуцианский пиетет перед письменным словом, которое стало символом высокого социального статуса.

Стремление к овладению грамотой, осознание общественных и практических преимуществ образованности прослеживается на всех этапах истории этой страны. В VIII в. Япония уже владела искусством ксилографии, и во второй половине VIII в. был отпечатан один миллион буддийских дхарани. Однако реальное распространение ксилографической печати относится к XII в. Любовь к книжному образованию, его необходимость для карьерного продвижения, практические выгоды для овладения важной научной, экономической и технологической информацией принесли свои плоды, став одной из важнейших предпосылок невероятно быстрого перехода Японии к современному индустриально производящему хозяйству.

Помимо транспорта и письменности, еще одним мощным медиатором, опосредующим информационные процессы, являются деньги. Япония начинает чеканить свою монету в самом начале VIII в., хотя реальное ее функционирование фактически ограничено столицей и ее ближайшими окрестностями, этот островок денежных отношений представлял собой ту «действующую модель», которая впоследствии была постепенно распространена на всю территорию страны.

Стремление приобщиться к настоящей «цивилизации», которая однозначно ассоциировалась с Китаем, диктовало потребность в соответствующем письменно закрепленном оформлении государственности, которое вылилось в последовательном составлении исторических летописей и законодательных текстов. С точки зрения нашего исследования особый интерес представляет феномен летописей, ибо исторические формы сознания глубоко укоренились в массовом сознании и являлись важнейшим условием передачи информации технологической и культурной во времени. Сама естественная история Японского архипелага как бы создает предпосылки для формирования установок на преимущество: ледниковый период не вызвал в Японии сколько-нибудь обширных зон оледенения, и похолодание, в отличие от Европы, сопровождалось не столько вымиранием наименее приспособленных видов флоры и фауны, сколько смещением границ их распространения к югу: большая протяженность архипелага в меридианальном и отсутствие барьеров в виде

пересекающих острова горных хребтов в широтном направлении давали к тому все основания. Разнообразие природно-климатических условий среды обитания, закрепляемой в повседневной практике, прежде всего, разнообразием потребляемых пищевых ресурсов, явственно приводит к предпосылкам запрограммированно-плюралистичного отношения к жизненным ценностям вообще. Опыт Японии вполне может служить подтверждением этому тезису: общий модус поведения японца характеризуется весьма терпимым отношением ко всему, что относится к «внешнему» миру: будь то религиозные, культурные или же бытовые представления. Вопрос заключается в том, где проходит граница между «внутренним» и «внешним».

Уважительно-трепетное отношение к прошлому (то, что было однажды начато, должно быть во что бы то ни стало сохранено и продолжено) имеет в своем близком социальном основании развитый культ предков. В самых ранних письменных источниках, фиксирующих реальности мифа, мы встречаемся со счетом времени, который ведется на «поколения». Именно «поколение» является квантом времени, причем поколение представляется не столько разъединяющим, сколько объединяющим элементом. Если, скажем, в греческой мифологии между различными поколениями божеств возникают постоянные конфликты или существует проблема «отцов и детей» в современном западном обществе, то в мифологии японской понятие поколения символизирует, прежде всего, преемственность. В результате культ предков наполнился историческим содержанием, позволяя передаваться во времени максимуму возможной информации. В исторический период счет времени по поколениям был дополнен китайскими системами летоисчисления – шестидесятилетним циклическим, по девизам правления, но, пожалуй, эти системы оставались в большей степени лишь техническим средством. Внутреннее же содержание течения времени оставалось прежним: оно воспринималось как процесс преемственности. Оттого-то и идея революционных преобразований, неизбежно связанных с волевым разрывом связи времен, т. е. поколений, никогда не пользовалась в Японии сколько-нибудь широкой популярностью, отчего японские реформаторы всегда облакали свои новаторские идеи в одежды

традиционности, возврата к прошлому. «Реставрация Мэйдзи» служит тому наилучшим подтверждением – перевод страны на рельсы современного экономическо-технологического развития принял форму возврата к прошлому, реставрации власти императора, ущемленной при военных правителях-сегунах.

Таким образом, получается, что интенсивные процессы передачи информации «по горизонтали» в пространстве, во многом обуславливаемые чисто естественно-природными факторами, дополнялись в Японии такими же активными процессами передачи информации и «по вертикали», т. е. во времени. На практике это приводило к длительному сосуществованию социальных групп и образований, которые отчетливо осознавали свои исторически обусловленные инте-ресы. Самым наглядным примером может служить длительное параллельное функционирование центров сакральной и практической власти, наблюдаемое и в настоящее время – плюралистический фактор японской истории. В то же время внутреннее устройство каждой из групп было вполне иерархичным, что находило свое объяснение в писаной или устной «внутренней» истории.

Многоукладное общество с родовой аристократией у власти, собственное экономическое могущество которой зиждилось, прежде всего, на эксплуатации земледельцев-рисоводов, создало крайне своеобразную культуру, которая осваивает крайне ограниченное физическое пространство, интенсивно насыщенное всякого рода обменными и информационными процессами. Эту культуру мы определяем как «близорукую», имея в виду, что она в противоположность культурам «дальнозорким» – российской например – осваивает, прежде всего, ближнее, «околотелесное» пространство; она интровертна, тяготеет к самореализации в мелких пространственных формах; склонна к детализации, структуризации, каталогизации; процедура измерения играет в ней крайне значительную роль; она страдает агорофобией и неразвитостью абстрактного мышления. Одной из символических фигур такого мировидения остается дзэнский монах, предающийся медитации, взгляд которого направлен не вовне, а внутрь. Что касается временного аспекта этой культуры, то она осваивает

прошлое время на максимально возможную глубину, но «не любит» и не умеет строить объемные планы на будущее.